

ДЖЕННИФЕР БЕНКАУ

ДА
БУДЕТ
ВОЛЯ
МОЯ

ТЫ МЕНЯ НЕ ВИДИШЬ,
НО Я ЗНАЮ,
ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ

Дженнифер Бенкау — немецкая писательница, автор фантастических романов и психологических триллеров для молодежи, лауреат престижной немецкой литературной премии *DELIA-Literaturpreis* (2013). Ее новую книгу «Да будет воля моя» сравнивают с мистическими романами «Исчезнувшая» Джиллиан Финн и «Девушка в поезде» Полы Хокинс.

Где заканчивается реальность и начинается воображение? Что есть истина? Вы все еще способны верить себе?

Дерия прожила в браке 14 лет. Но она не любила своего мужа даже тогда, когда в церкви ответила заветное «да». Сейчас она — разведенная женщина с депрессией и разочарованием в жизни. Все эти годы Дерия жила воспоминаниями о юношеской любви. Якоб был старше нее, и, кажется, она еще помнит их первый школьный поцелуй... Однажды прошлое возвращается к ней не только в мыслях: Дерия встречает Якоба, и сейчас, после долгих лет страданий, она снова готова быть счастливой. Но что-то не так... Появление Якоба заставляет женщину испытывать страхи: у нее возникает ощущение, что за ней следят. Может, это бывший муж? Или ее воображение?

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-3843-5

9 786171 238435

ДЖЕННИФЕР БЕНКАУ

ДА БУДЕТ ВОЛЯ МОЯ

JENNIFER BENKAU

MEIN

WILLE

GESCHEHE

ROMAN

ДЖЕННИФЕР БЕНКАУ

ДА

БУДЕТ

ВОЛЯ

МОЯ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
2017 ДОСУГА

УДК 821.112.2
Б46

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Benkau J. Mein Wille geschehe : Roman / Jennifer Benkau. —
Köln : Bastei Lübbe Taschenbuch, 2017. — 336 S.

Перевод с немецкого *Ивана Немичева*

Дизайнер обложки
CreaLab
Creative Laboratory

ISBN 978-617-12-3843-5
ISBN 978-3-431-03981-8 (нем.)

© Bastei Lübbe AG, Köln, 2017
© Shutterstock / Pablos33, обложка, 2017
© Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2017
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2017

VII

Я не часто вспоминал ее, но если уж такое случалось, то мне с трудом удавалось выбросить из головы мысли о ней.

Она стала призраком, который меня преследовал и лишь издевательски ухмылялся в ответ на мои попытки избавиться от него. Она всегда возвращалась ко мне тогда, когда я уже надеялся, что забыл ее. И вот тогда появлялась она. Достаточно было всего на миг утратить бдительность. Стоило только прикрыть глаза, как она тут же появлялась, будто садилась рядом. Она улыбалась, показывала кровь и смерть и выкрикивала мое имя.

В такие мгновения казалось, что мир собрал все горести и несчастья в один комок и в таком сконцентрированном виде натравил их на меня. Я стоял перед лицом своей беды, словно артист под светом прожекторов. Целыми ночами я лежал без сна, заставляя тело оставаться в постели, — мне казалось, что я лежу в камере, а в это время тюрьму заполняют водой или крысы обгрызают мне ногти на руках и ногах. Я лежал под одеялом, даже когда пот катил с меня ручьями, и продолжал борьбу до тех пор, пока не всходило солнце.

Я точно знал, что достаточно только раз проявить слабость и взять телефон или засесть за компьютер, чтобы начать искать ее. Найти ее было бы несложно, но вместе с ней я нашел бы и то, что она обещала в кошмарных снах, — кровь, леденящий ужас, смерть.

Мне можно было и не надеяться, что это останется сном. Это было обещанием. Предсказанием и угрозой.

Один раз мне не удалось избежать контакта с ней. Он был односторонним, она ничего не знала и, наверное, так никогда и не узнала о нем. И тем не менее я долго боялся, что чем-то выдал себя и теперь она сможет меня найти.

Уже не помню, какой это был год, помню лишь свое тогдашнее настроение. Вашингтон казался депрессивным и угрюмым,

виноватым в этом, без сомнения, было политическое положение, но мы все списывали на погоду, ведь о ней было легче говорить. Стоял конец лета, уже чувствовалось приближение осени, и люди боялись зимы еще до того, как она наступила. Между двумя интервью я случайно встретил в гостинице женщину, которая знала ее, и на секунду потерял осторожность. Мы сели за столик у окна в баре отеля, выпили по бокалу вина. Завели светскую беседу. А затем я спросил о ней. Как у нее дела. Вроде бы совершенно невинный вопрос. Но я думал о крови, смерти и ледяном ужасе.

Женщина вздохнула так, словно это был вздох из могилы. Показалось, что у нее было так же мало желания говорить о ней, как и у меня, но она была слишком вежливой, чтобы оборвать разговор, а я на какой-то момент стал слишком фаталистичным.

Женщина сказала, что она одинока. И еще что-то, о чем я позже забыл, потому что это не имело никакого значения. Женщину, казалось, это задело, она вдруг стала очень печальной, хотя знала ее всего лишь поверхностно.

— Как жаль, — все время повторяла она.

Одинока. Одна. Это объясняло все. Вот в чем была причина, вот почему время от времени она приходила ко мне и делилась со мной картинками, которые навязывала мне. Кровь, смерть и... Да вы уже знаете. Она должна была со всем этим прийти ко мне: для нее существовал только я.

Я заметил, что это вполне в ее духе, что она всегда была одинокой. Я попытался быть вежливым, чем-то развеселить эту печальную женщину и сказал, что если одиночеству когда-нибудь захочется получить новое имя, то оно возьмет себе имя «Дерия», а ей отдаст свое.

Попытка была честной, но явно неуклюжей — и без того печальная женщина стала еще печальнее, а за окном среди потоков дождя появился снег.

Позже я подумал, что не надо было обмениваться именами. Одиночество просто должно было взять себе имя Дерии. А самой Дерии вообще не нужно было имя. Все равно уже не осталось никого, кто мог бы назвать его.

Никого, кроме меня.

Когда-нибудь мне придется вернуться к ней.

Глава 1

Этот день мог стать самым обычным, нормальным днем. Хорошим днем. Спокойным.

Но вместо этого вдруг возвращается он, и у нее становится тепло на душе.

Он возвращается, сдвигает брови — так, словно человек пытается кого-то вспомнить, но не может узнать лицо стоящего напротив, — улыбается и поднимает руку в знак приветствия. Он разрушает то, что она ненавидит и одновременно отчаянно пытается спасти. Свою нормальную до тошноты жизнь.

«Время, дитя мое, излечит все твои раны», — так всегда говорила ей бабушка. Эта пожилая женщина умела своими наивными фразами свести к мелочам то, что причиняло Дерии боль.

Время излечит все твои раны, дитя мое, так что нам беспокоиться не о чем.

Дерия так тоскует по бабушке, что иногда ей от боли тяжело дышать.

Она с трудом приходит в себя. Она вынуждена поставить поднос на полку между пакетами с молоком и пакетиками с сахаром, прислониться к стене и закрыть глаза, чтобы собраться с силами. Руки дрожат, и это чувство ей уже знакомо — они теперь будут дрожать несколько минут, словно резко упал уровень сахара в крови. Ей не удастся даже подать посетителю единственный бокал, не разбив его при этом. Во всяком случае, до тех пор, пока он сидит там, за столиком, словно никогда и не уходил оттуда.

Проклятый подлец! Как он мог решиться сейчас вернуться сюда? Сейчас, именно тогда, когда она всего-навсего официантка? Где он был, когда ее фотографии красовались в газетах и глянцевых журналах, когда она могла выбирать, идти ли ей на съемки шоу к Маркусу Ланцу либо Гюнтеру Яуху или лучше согласиться на бутерброды в передаче с безобидным обменом колкостями со Штефаном Раабом? Однако жизнь с шампанским и канапе закончилась, и сегодня она сама — та, что подает напитки и бутерброды. А у времени, как у проклятой ведьмы, было целых пятнадцать лет, и за эти пятнадцать лет ее раны еще сильнее загноились.

Он, конечно, узнал ее, хотя она сразу же отвернулась, чтобы сбежать на кухню. Это был почти пируэт. Как тогда, в балетном зале, когда он...

Вот только об этом думать ей нельзя — ей вообще нельзя думать о нем.

Прижавшись спиной к кафельной стене, она ждет, надеется, что к ней подойдет коллега и она сможет придумать какой-нибудь предлог, чтобы извиниться и уйти. Врать она не умеет, и ей нужна хорошая отговорка. «Думай, Дерия, думай», — заставляет она себя. Думай о чем угодно, только не о нем, только не о нем!

Я...

Подходящим поводом был бы приступ мигрени или что-нибудь вроде сердечного приступа — тут ей бы поверили. После пережитого страха она уже и так наверняка бледная как смерть.

Як...

Позже нужно будет пойти за покупками — обязательно за покупками. Молоко, йогурт и корм для кошек. Кошачий корм, ни в коем случае не забыть любимый корм Одина, иначе кот обидится и наблюдает ей в туфли.

Яко...

Вечером у нее дежурство на кассе. С шести до десяти, хорошая смена — приходит много покупателей, клиенты, и все они страшно спешат. Люди, с которыми время проходит быстрее. Люди, которые почти не устаивают взглядом ее, кассиршу. И это именно то, чего ей больше всего хочется. Такие смены утомляют, они парализуют мысли — мысли, которые мешают ей. Засыпать в такие вечера легче и...

Якоб

Якоб. Якоб. Якоб.

Светлые каштановые волосы. Светло-карие глаза. Слегка загорелая кожа. Прошло так много лет. Он не изменился.

Зато изменилась она. И как изменилась! Она на какое-то мгновение думает о крови, смерти и ледяном ужасе, всего лишь на миг, и этого объяснить себе не может. Дежавю?

Она выбрасывает эту мысль из головы. Забудь немедленно! Такого никогда не было.

— Дерия?

Открывается раздвижная дверь. За ней стоит Тони — ее шеф. Собственно говоря, Тони на самом деле зовут Давид Шмицке, но он подкрашивает волосы в черный цвет и поэтому слегка похож на итальянца. Должно быть, оттого он и назвал свое кафе «Тони'с» — именно так, с глупым апострофом. Это приводит Дерюю в отчаяние каждый раз, когда она видит логотип над дверью, на фартуках и бумажных салфетках. Но вскоре все начали называть его Тони.

Тони, ничего не понимая, переводит взгляд с нее на поднос, там медленно оседает молочная пена на двух чашках латте макиато:

— Ты что здесь делаешь, гости ведь ждут, что случилось, и вообще, что у тебя за вид?

Деряя трет лоб:

— Я... у меня закружилась голова. Я вынуждена была...

Щеки горят, она чувствует, как лицо краснеет от вранья.

— Надо же было сказать мне! — Качая головой, Тони отодвигает ее в сторону и берет у нее из рук поднос. — Я поработаю вместо тебя, приляг на полчаса, только не падай тут перед нами в обморок и, пожалуйста, пожалуйста, смотри, чтобы тебя не стошнило! А то что подумают люди?

— Извини, Тони, — бормочет она.

Но ее неудержимый шеф, по своему обыкновению, уже устремился дальше, выдав какой-то непонятный поток слов. Вот его худощавая фигура скрывается за поворотом. Тони не останавливается ни на секунду, никогда. Наверное поэтому, частенько приходит ей в голову, он такой тонкий, просто как нить. Шефу надо бы питаться, как профессиональному спортсмену, но на это ему, как гастроному, при всем желании не хватает времени. Тони за целый день не успевает выпить даже собственную чашку кофе. Или не хочет, чтобы не проводить в туалете ни единой минутой больше, чем абсолютно необходимо.

У Деряи подкашиваются ноги, возникает ощущение, словно она идет по толстому поролону. Наконец она падает в кресло в помещении для отдыха. С помощью одной из маленьких бутылочек воды, которые стоят здесь наготове, она пытается охладить пылающие щеки, но вода теплая и ничем ей не помогает. Деряя надеется, что коллеги не увидят ее в таком состоянии. Ей стыдно, что какой-то мужчина времен ее молодости так выбил ее из колеи. Ведь она уже давно не девочка-подросток, а женщина тридцати двух лет,

да с жизненным опытом, которого наберется на все шестьдесят. Тем не менее она чувствует себя маленькой и беспомощной — точно такой же, какой была, когда познакомилась с Якобом.

И тут опять появляется он и поворачивает время вспять.

Якоб уже был главным редактором школьной газеты, она тогда училась в шестом классе, а он — в восьмом. Его пальцы умело и быстро бегали по пожелтевшей клавиатуре старенького компьютера «Коммодор», стоявшего в маленькой комнате, которую они именовали редакцией. Отопление здесь потрескивало громче, чем в любом помещении школы. Она печатала куда медленнее Якоба, щелканье клавиш было не музыкой, а треском без всякого ритма. Ее первой статьей для школьной газеты был отчет о выступлении их танцевальной группы «Танц-АГ» на городском празднике. Она занималась балетом и танцевала, именно поэтому ей и поручили это задание. Фотография была не резкой, а ее текст — угнетающе плохим. Но ей разрешили продолжать.

— Деряга, нужно ставить пробелы после точек, — объяснял Якоб и при этом заглянул ей через плечо, так что его щека оказалась совсем близко к ее щеке.

— А разве так нужно? — Ей не хотелось возражать, ей просто хотелось поговорить с ним подольше.

— Да, именно так.

— Почему после? Почему не перед? Так ведь было бы логичнее?

— Потому-у что. — Якоб взглянул на нее и промолвил так протяжно, что ей показалось, что слово коснулось ее кожи: — Потому что это так.

— А кто это сказал? — Всего лишь дыхание, но она чувствовала себя храброй и бесстрашной, словно их диалог был чем-то великим. Коленки под столом дрожали, но он не мог этого видеть.

Короткий смешок — вот и весь ответ.

Улыбка на его губах была нежной:

— Просто ставь пробелы.

И он снова убежал.

Якоб. Единственный танец на карнавале, когда она была в седьмом классе, а он в девятом. Под музыку «Ветра перемен» группы «Скорпионс» они переносили тяжесть тела с одной ноги на другую и смотрели мимо друг друга. Ее руки лежали на его плечах, а его — на ее бедрах. Его лицо было пурпурно-красным. И это было видно

даже под гримом черта. После танца он прямо так, с рогами на голове, уехал на своем велосипеде «ВМХ» домой, а счастливая Дерия осталась, ведь он танцевал со всеми другими девочками, но после танца с ней — уже ни с кем.

Якоб. Робкий поцелуй в девчачьем туалете, когда она была в восьмом классе, а он — в десятом. Она прищемила себе пальцы дверью, да так сильно, что пошла кровь, а он отвел ее к умывальнику и держал ее руку под струей воды. Он держал ее крепко и нежно, а ледяная вода обжигала ей рану. Затем он бесконечно долго удивлялся слезам в ее глазах, которые она изо всех сил пыталась удержать. Наконец он нагнулся к ней и просто притронулся к ее носу своим. Она подняла голову, и он поцеловал ее, и это было прекрасно, и больше ничего.

Это было шестнадцать лет назад, однако вкус его губ все так же жил в ней, точно так же, как запах дезодоранта, которым он тогда пользовался, — «Nivea for men», — да и какая теперь разница... Она купила себе точно такой, чтобы каждый день слышать его и чувствовать его запах в своей постели. Ей хотелось, чтобы здесь пахло им, словно он лежит рядом с ней, когда она закрывает глаза.

Якоб. Ее друг. Ее лучший постоянный друг, ее первая любовь — и если оглянуться назад, то и единственная. После десятого класса он заявил, что переедет в Соединенные Штаты, чтобы исполнить свои мечты. Это было как бомба, разорвавшая жизнь Дерии.

Планы. Будущее. Планы на прекрасное лето, прежде чем она продолжит учебу. Все это он разорвал на тысячу мелких частей. Осколки она могла бы собрать и снова склеить. Но такие крохотные, мельчайшие частички — уже нет.

— Поговори со мной, — умоляюще сказала она. — Почему? Почему ты не сказал об этом раньше?

— А разве это что-нибудь изменило бы? Ты вообще ничего не понимаешь и никогда не поймешь. Оставь меня в покое!

Он напился и на школьном дворе оттолкнул Дерию так, что она в своем коротком платье упала на асфальт. Кто-то вынужден был держать его под руки, настолько он был пьян. Дерия, ничего не соображая, могла только смотреть со стороны, как единственный человек на свете, который мог сделать ее жизнь уверенной и управляемой, сам полностью потерял контроль над собой. Немного позже его стошнило в какое-то мусорное ведро, а после этого он рыдал,

как ребенок, в объятиях Кристины Штальман — это же надо было, чтобы именно у нее! — и велел Кристине послать Дерюю прочь. Больше всего Дерюя хотелось умереть, но это было невозможно.

Это был последний раз, когда она видела его, прежде чем он исчез. Это был тот момент, когда вместо детских мечтаний о счастье возникла реальность. И она перестала мечтать навсегда.

Проходит действительно бесконечное время, прежде чем Дерюя решается покинуть комнату для отдыха и выглянуть в кафе. Якоб ушел. Конечно, это был он. Он вообще не узнал ее, да и, конечно, вряд ли помнит ее.

— Я опять в порядке, — сообщает она Тони, получает от него целую кучу указаний и снова приступает к работе, словно ничего не случилось. Легкую дрожь в руках она игнорирует, ждет, когда она уляжется сама собой, и вместе с дрожью исчезает страх, что Якоб может внезапно снова появиться в кафе.

Зачем ему это нужно? Даже если бы он узнал ее, то сделал бы вид, что ничего этого не было. Это неписанный закон, которого придерживаются все люди из ее детства и молодости, — Дерюя не узнает никого, и никто не узнает Дерюю. Она понимает последствия, во имя которых соблюдается это правило, поэтому и сама следует ему.

Она начала новую жизнь, с самого начала, с нуля. Новую жизнь, до тошноты нормальную, спокойную, стабильную жизнь. И это все, чего она хочет.

Так было до тех пор, пока здесь не появился он. И теперь Дерюя вынуждена признать, что у нее больше нет ничего.

В конце концов, всегда все выглядело как несчастный случай.

Это было целью, но не менее важным был также путь. Если уж он прилагал усилия к тому, чтобы убить кого-нибудь, то тот, кто должен был умереть, не должен был уйти в смерть, как бы случайно споткнувшись, не должен был беззвучно исчезнуть из жизни. Жертва должна была постепенно осознавать, какая роль ее отведена. Она должна была заметить, что все взгляды она навливаются на ней и что это взгляды острых глаз, куда более острых, чем ее собственные. Человек должен был почувствовать, что он стал частью плана, придуманного разумом, куда более

гибким, чем его собственный. Он должен был начать замечать, что безопасность — всего лишь плод воображения, и теперь ему придется об этой кажущейся безопасности забыть.

Жертвы должны были ощущать страх. Они заслужили этот страх, а он уж позаботится о том, чтобы они получили то, что заслужили.

Когда он впервые увидел свою новую жертву, она еще не имела ни малейшего понятия о том, что ее ожидает. Но он уже знал, как умрет жертва.

В конце концов, все будет выглядеть так, словно произошел несчастный случай.

Глава 2

Когда Дерия открывает дверь дома, ее соседка и лучшая подруга Сузанна в коридоре и собирает с пола апельсины, которые, наверное, вывалились из переполненной корзины, сплетенной из лозы. Пара апельсинов катится вниз по лестнице. Один апельсин летит прямо под ноги Дерии, и она останавливает его кончиком туфли.

— Дерия, дорогуща! Привет! Ты пришла очень вовремя. Фрукты хотят разбежаться.

— Привет, Солнце. — Дерия ставит на пол пакет с покупками, чтобы помочь подруге собрать фрукты.

Достаточно произнести прозвище подруги вслух, как на душе у Дерии становится легче. Как-то светлее. Да, это прозвище никому не подошло бы лучше. Сузанна — это женщина, лицо которой постоянно сияет, а ее светлые непокорные локоны напоминают солнечные лучи. Кроме того, у нее розовые щечки, похожие на яблочки, и выглядят они так, словно их разрисовали, она применяет косметику только для того, чтобы как-то затушевать эти яркие щеки. При всем желании Дерия не может понять, зачем она это делает. Про себя она называет щеки Сузанны щеками летнего солнца и даже завидует ей. Сама она всегда бледна, причем это такая бледность, что все парикмахеры советуют ей перестать красить волосы. Никто не хочет верить, что это ее естественный цвет лица, — так не подходит ее светлая кожа к ее черным волосам.

Солнце работает половину дня в страховой компании, однако ее настоящим призванием является маленький «Интернет-шоп», через который она продает сшитые ею самой, да к тому же с большой любовью, обложки для книг, сумочки для мобильных телефонов, наволочки для подушек и трогательных плюшевых зверушек, с которыми она по отдельности прощается, прежде чем послать их покупателю. Дерия не может объяснить себе, почему у такой притягательной и яркой личности, как Сузанна, нет кучи подружек, как у Кэрри из «Секса в большом городе». Вместо этого Солнце держится за Дерию, которая рядом с ней чувствует себя, словно луна — бледная и холодная. Это не мешает и не смущает Дерию. Нет, она даже вынуждена признать, что чувствует себя очень уютно в приятном тепле Солнца.

— И что же ты собираешься делать со всеми этими фруктами? Разве ты никогда не слышала об опасном шоке от витамина С? Или о гипервитаминозе?

— Будь сильной! Я купила их для тебя. Я хотела принести их тебе. — Солнце бросает Дерию один из апельсинов и вместе с ней поднимается по лестнице на первый этаж, в квартиру Дерию.

— Прогноз погоды угрожает нам целой неделей затяжных дождей, и я подумала, что смогу сделать нам пару смузи типа «Грипп — нет, только не для меня».

— Очень приятно, что ты думаешь обо мне.

— В своих собственных интересах, — улыбается Солнце. — Дело в том, что мне нужен твой совет. И, кроме того, у меня сломался миксер. У тебя же есть?

— У меня есть миксер для пюре. Кажется.

— С ним тоже можно поработать.

Дерия открывает дверь, снимает туфли и заносит свои покупки и покупки Солнца в кухню, прежде чем снять пальто и тщательно, без складок, развесить его на плечиках. Кот по кличке Один приветствует их мяуканьем и так настойчиво трет-ся о ноги, словно хочет сбить ее с ног.

— Ты — зажавшееся белое чудовище, — ласково ругает она кота. — Неужели ты всерьез думаешь, что получишь ужин вот так сразу? Солнце, хочешь кофе, прежде чем мы займемся фруктами?

Солнце тоже сняла куртку, теперь Сузанна садится за кухонный стол и усаживает кота к себе на колени:

— Спасибо, нет. Ты ведь знаешь, что я не смогу уснуть, если вечером выпью кофе.

У Дерии та же история, и именно *поэтому* она пьет кофе.

— Меня все время удивляет, что ты приходишь из итальянского кафе и, едва попав в дом, сразу же включаешь эту ужасную штуку.

— Привычка, — отвечает Дерия и снимает чашку с тщательно вытертой полки.

— Скорее всего, это каприз, почти такой же, как твоя привычка к чистоте. Эта квартира вызывает у меня угрызения совести — когда в нее ни войдешь, все выглядит так, будто ты только что все здесь вычистила.

— Я просто люблю чистоту.

— Нет, просто у тебя нет никакого хобби.

Честность — это второе имя Солнца, и тут она редко идет на компромисс. Но у нее такой характер, что даже спорить с ней приятно.

— Пару маленьких капризов ты можешь и оставить мне... Иначе мы начнем спорить о твоей ужасной коллекции фарфоровых слоников. А сейчас я выпью кофе. На работе я не успеваю это сделать. Да и мой собственный кофе все равно лучше.

«По крайней мере я знаю, что мои чашки чистые», — мысленно продолжает она.

— Твоя хозяйка не должна допустить, чтобы ее горячий итальянский шеф с горячей кровью услышал такое, — говорит Солнце, обращаясь к Одину.

Кот переворачивается на спину и подставляет живот, и Солнце начинает самозабвенно чесать его.

— Он бы выгнал меня ко всем чертям, — шутит Дерия. — А теперь признавайся — какой тебе от меня нужен совет?

Солнце вздыхает, а Дерия знает свою подругу достаточно хорошо, чтобы предвидеть ее ответ.

— Опять речь идет о твоём брате? Ему нужны...

«...снова нужны твои деньги», — хочет сказать она, однако вовремя успевает остановиться. Она не хочет обидеть Сузанну, но такой излишней прямолинейностью легко может это сделать.

— Он попросил еще раз помочь ему... — бормочет Солнце. — Но я не знаю, действительно ли так для него будет лучше.

Дерия отставляет кофе в сторону, садится за стол рядом с подругой и берет ее за руку.

— Значит, он снова не пошел на эту терапию, да?

Сузанна качает головой и вдруг становится ужасно усталой:

— Он сочиняет, что у него не было времени.

— Но ты ему не веришь.

— Нет.

— Зачем ему в этот раз нужны деньги?

Солнце невесело улыбается:

— Чтобы отремонтировать машину. Вроде бы она уже не может ездить, а это для него настоящая катастрофа... Говорит, она ему нужна, чтобы ездить к врачу, и на терапию, и вообще куда угодно, куда ему срочно нужно. Странно только то, что вечером машина стоит перед его квартирой, а целый день ее там нет. Значит, не настолько уж она неисправна. Почему он все время врет мне, Дерия, почему?

У Дерии нет ответа, которого не знала бы сама Солнце. Не говоря ни слова, она обнимает ее. Наверное, очень тяжело наблюдать со стороны, как твоего младшего брата пожирает зависимость, а ты сама только беспомощно следишь за этим. Дерия не знает ее брата и, наверное, лишь приблизительно может представить себе, что чувствует подруга.

— Ведь у него нет никого, кроме меня, — шепчет Солнце.

Сейчас она кажется очень маленькой, Дерии хочется спрятать ее себе под куртку и защитить от жестокостей этого мира. Мира, который часто оказывается слишком грубым, холодным и безнадёжным для такого человека, как Солнце.

Ее собственные заботы кажутся мелкими и сморщенными, как изюминки, перед лицом этой проблемы. Каким незначительным вдруг кажется вопрос, заметил ли ее мужчина, которого она знала еще в юности. Не все ли равно, вспоминает он время от времени о ней или уже нет?

Кого она сейчас пытается обмануть? Ведь этот мужчина наверняка Якоб.

И это меняет все.

Когда вечером она сидит за работой и пробивает на кассе покупки поздних посетителей, она снова невольно вспоминает о Якобе.

Никто здесь даже в самой малой степени не похож на него, но ей кажется, что везде, куда она только ни посмотрит, сразу узнает его глаза. Обычно Дерии удается хорошо спрятаться за своей работой.

— Семнадцать евро девяносто семь, пожалуйста. У вас есть карточка скидок?

— Нет.

— Вы собираете наши баллы лояльности?

— Да, спасибо.

— И два евро три цента сдачи, пожалуйста. Приятного вам вечера.

Работа кассирши просто прекрасна для нее и ее неврозов — из-за этих самых неврозов она злится на себя, но их же и пестует, как маленьких милых домашних животных, ведь без них она бы не была собой.

Сидя за кассой или работая официанткой кафе, ей без труда удается общаться с незнакомыми людьми, улыбаться, время от времени поддерживать ни к чему не обязывающий разговор... Все это ей нужно, чтобы быть уверенной, что она просто немного странная, но вовсе не серьезно психически больная. Робкая — это да, пусть, но все же не погрязшая в социофобии. Раньше она частенько впадала в панику: ей казалось, что с ней что-то не так, что она выбивается из того русла, в котором двигаются нормальные люди. Люди искусства считаются особенно подверженными душевным болезням — она должна радоваться, что теперь уже не так близка к искусству. Но нет, она этому не рада.

За это время Дерия поняла, что хотя и попала в штопор, но все же вписалась в поворот. Ее психотерапевт утверждает это. И Солнце с этим мнением соглашается. И ее работа, во время которой она не моргнув глазом общается с чужими людьми, тоже доказывает это.

— Сорок пять евро двенадцать центов, пожалуйста. У вас карточка есть?

— Нет. Я плачу картой ЕС.

— Пожалуйста. Вставьте карточку вот сюда, введите ПИН-код и подтвердите нажатием на зеленую кнопку. Вы собираете наши баллы?

Ее работа — это шарф и шапочка, с помощью которых она согревает и хранит свое одиночество. Ее фразы — маска, которая

демонстрирует улыбку, независимо от того, что за ней скрывается. Это никого не касается.

Она воспроизводит один и тот же набор фраз покупателю за покупателем, но в мыслях она уже далеко в прошлом, вернулась на многие годы назад. Раньше на каждом углу еще стояли киоски, в которых вечером или по выходным можно было купить напитки, сладости и сигареты. Она еще помнит, что всегда заказывал Якоб: пачку сигарет «Лаки Страйк» и пакетик сладостей за две марки. Якоб, который тогда еще не был уверен, превратился он уже во взрослого мужчину или остался еще юношей, почти подростком. Сейчас маленьких киосков в Дюссельдорфе почти нет — да и кому они нужны, когда все супермаркеты с понедельника до субботы открыты до позднего вечера? Дерия спрашивает себя, курит ли еще Якоб — уже тогда он хотел бросить курить — и любит ли еще жевательную резинку со вкусом вина.

Следующий покупатель кладет на транспортер «Лаки Страйк» и два пакетика «Харибо». Дерия медленно, очень медленно, поднимает глаза. Надеется. Бойтся. Молится.

Это может быть Якоб.

Но это не он, это подросток лет пятнадцати, и прическа у него такая же, какая была у Якоба. Однако волосы светлые, а не каштановые. И глаза синие, а не карие. Он возмущается и обзывает ее дрянью, когда она, увидев сигареты, просит предъявить паспорт... Якоб так бы никогда не сделал.

Он был убежденным убийцей и был этим вполне доволен.

У него не было безумного убеждения — он не обязан делать в жизни что-то хорошее. Он не верил в глупости вроде божьего предначертания, которое подталкивало бы его к этому. Никто не заставлял его убивать. Ни один из этих жалких людишек. Он не убивал ни по финансовым, ни по эмоциональным причинам, из жадности или иных низких побуждений.

Он был прагматиком, и если время от времени, после тщательного расследования оказывалось, что убийство будет эффективным решением проблемы, то он садился за столик в кафе, где был постоянным посетителем, заказывал чайничек чая и следующую пару часов разрабатывал план операции, начиная со сближения с жертвой, далее — нападения, потом фазу наказания, вплоть до

вопроса, каким образом нужно будет устранить труп, чтобы все выглядело как безобидный несчастный случай.

Он был педантичнее, чем любой другой, которого он знал, он был умным, осторожным, но не испытывал страха и обладал талантом не только в планировании, но и в импровизации. Но прежде всего по своему душевному складу он был очень последовательным. Он не допускал, чтобы рутинная работа стала для него злым роком. Каждое убийство должно быть доведено до конца и происходить, как предыдущее.

У него были высокие запросы. Он ко всему на свете относился терпеливо, но только не к себе. В конце концов, он настолько хорошо знал себя, чтобы ожидать от самого себя абсолютного совершенства. Когда его спрашивали, почему он стал психологом, почему он играет в теннис или сочиняет песни за роялем, он отвечал: «Потому что я это умею» — и именно таким был бы его ответ, если бы его спросили, почему он убивает.

То, что никто и никогда его об этом не спрашивал, было еще одним этому подтверждением.

Глава 3

Уже почти половина одиннадцатого ночи, и Дерия наконец отправляется домой. Ветер время от времени проникает ей под пальто и хватает ее за спину, словно грубая холодная рука. Она устала и замерзла. Возле киоска с греческими блюдами, который еще открыт, она заказывает себе большой кофе и высыпает туда три пакетика сахара.

— Так поздно, почему вы еще не дома? — спрашивает мужчина за прилавком. Он похож на пастуха из рекламы, вот только одет в темный спортивный костюм, обтягивающий его начинающий расти живот. — Совсем одна?

Дерия делает вид, что не слышит, отсчитывает деньги, кладет их на прилавок и уходит.

Картонный стаканчик греет ей руку, но уже не позволяет прятать кулаки в карманы пальто. Кофе не помогает ни против озноба, ни против усталости — эти ощущения кажутся ей чужими и неуместными, словно складка в стельке ее любимых туфель.

Что с ней происходит? После работы она всегда идет домой пешком и обычно наслаждается покоем позднего часа. Сегодня все как-то не так. Ну, если быть честной перед собой, то уже вчера все было по-другому. Ведь именно тогда она случайно увидела Роберта, бывшего мужа. Он сидел в автобусе, проезжавшем мимо, что, очевидно, означает, что он снова выпил слишком много. Может быть, у него наконец отобрали водительское удостоверение. Роберт по своей воле никогда не оставляет свою машину. Дерюю он совсем не заметил — и к счастью! Тем не менее теперь она уже не могла спокойно идти домой, а вынуждена была торопиться.

В душе она ругает его и то, что ее, оказывается, так просто вывести из равновесия. Она идет медленнее и специально дышит глубже. «Если хочешь преодолеть свои страхи, нужно посмотреть им в лицо», — повторяет она слова своей докторши. Она ни в какой мере не хочет позволить портить свои вечерние прогулки — никакому мужчине на свете, а уж этому — трижды тем более.

Услышав позади шум, Деряя вздрагивает. Она оглаживается через плечо. На другой стороне улицы пожилая женщина выводит на газон мохнатую дворнягу, чтобы та сделала свои собачьи дела. Когда собака заканчивает, женщина уводит ее в ближайший подъезд дома. Это безобидно. Но Дерюю все равно трясет: она совершенно одна между закрытыми дверьми и опущенными жалюзи. Дома, казалось, закрыли глаза.

И тем не менее у нее такое чувство, словно кто-то за ней наблюдает.

Она ускоряет шаг. Холод пробирается к ней через воротник и рукава. Кофе в стаканчике остыл еще до того, как Деряя выпила половину, и пальцы снова дрожат. Она швыряет стаканчик в урну, проходя мимо, и втягивает руки в спасительные рукава так, что их совсем не видно. Дрожа, она обхватывает себя руками. Когда же вдруг ей стало так холодно? Ноги заledenели так, что она уже не чувствует пальцев. А идти еще далеко, и Деряя в душе ругает все такси города, которые никогда не проезжают мимо, когда они так нужны.

Она снова озирается по сторонам. Никого не видно. Она смеется тихо, но тем не менее истерически. Что ж, как ни стыдно в этом признаваться самой себе, но она боится. Она любит бывать

одна, ей больше всего нравится быть одной, и только в одиночестве она себя чувствует хорошо.

«Почему же сейчас все не так?» — думает она, а затем тихонько шепчет в такт стуку своих каблучков:

— По-че-му сей-час не так — по-че-му сей-час не так?

От ускоренного дыхания у нее першит в горле. Снова взгляд через плечо. Да нет там никого, проклятье! Чего же она боится — если нет ничего и никого? В душе она сражается за свой последний бастион. Если она не может преодолеть этот страх, то больше уже ничего не будет — перерывов на отдых в одиночестве и даже немного спокойствия среди постоянной людской болтовни. Она испытывает злость к себе, почти такую же, как и страх.

А затем появляется какая-то фигура.

Дерии уже не нужно оглядываться. Она знает, что за ней кто-то идет. Это мужчина — она это чувствует. Он, кажется, движется бесшумно, она его не слышит, но знает, что он находится так близко, что она, собственно, должна была бы слышать его. Неужели потому, что ее сердце стучит так громко? Кровь шумит в ушах. Она не знает, откуда появился этот мужчина. Может быть, из какого-то въезда во двор или из какой-то двери дома, но более вероятно, что он уже давно идет вслед за ней и просто не хотел раньше обнаруживать себя. Неужели он выискивал ее целенаправленно? Беззащитная жертва, хрупкая и нетренированная, которая живет одна и пропажу которой быстро не обнаружат? У нее с собой нет ничего, что могло бы оправдать грабителя. Но она подозревает, что этому человеку не нужны ни деньги, ни дорогой мобильный телефон. И, несмотря на это, ей хочется крикнуть: «У меня нет денег! Может быть, на мне дорогое пальто, но оно старое. Я — просто официантка и кассирша. У меня даже нет мобильного телефона». Дерия идет быстрее, уже почти бежит. Мужчина сохраняет дистанцию, следуя за ней. Ей хочется побежать со всех ног, но она не делает этого только потому, что знает — ее преследователь побежит тоже. К сожалению, спринтер из нее никудышный, во время утренней пробежки у нее уже через полкилометра сбивается дыхание. Ее взгляд мечется от двери к двери. Может быть, где-то можно нажать кнопку и попросить помощи? Навстречу ей движется легковой автомобиль. Она хочет выскочить на проезжую часть и остановить его, но ей не удается быстро

преодолеть себя, и машина проезжает мимо. Когда Дерия смотрит вслед машине, то замечает в свете задних фонарей мужчину, массивный темный силуэт без лица.

На следующем перекрестке она замедляет шаг. Если она свернет направо, то ей придется идти мимо кладбища, зато всего через километр она выйдет на главную улицу, где между жилыми домами втиснулись бары и игровые казино. Где двери открыты всю ночь. Где нападение не пройдет незамеченным.

Она, долго не раздумывая, поспешно сворачивает за угол и пробегает несколько шагов, чтобы увеличить дистанцию, и лишь потом переходит на шаг и оглядывается. Может быть, она все же ошибается, может быть, это какой-то безобидный парень, который хочет побыстрее попасть домой к жене и детям и торопится лишь потому, что стало холодно. Может быть, она просто выставляет себя в абсолютно смешном виде.

«Да, — думает она, — он определенно просто пройдет мимо».

Мужчина вслед за ней поворачивает на эту же улицу. Он уже ближе, чем был раньше, намного ближе.

Шум в ушах Дерии превращается в свист. Она уже сейчас еле дышит. Держась поближе к кирпичной ограде кладбища, она спешит дальше, словно пытаясь скрыться в ее тени. Она перебегает от одного уличного фонаря к другому, в центре светового пятна она каждый раз переводит дух, словно свет представляет собой ее защиту, а затем, задерживая дыхание, бежит к следующему фонарю. На другой стороне улицы фонарей нет. Лишь деревья и кусты, отделяющие тротуар от дороги. За ними находится городской парк. Роберт всегда предупреждал ее, чтобы она остерегалась бездомных бродяг, которые шляются по парку небольшими группами. Сейчас Дерия мысленно молится, чтобы увидеть хоть пару этих бродяг. Однако там нет никого. Она, кажется, осталась одна на свете, а за ее спиной — мужчина, одетый в темное. Он приближается.

Следующие два уличных фонаря не работают. С кладбища доносится крик какого-то мелкого зверька. Перед собой невыносимо далеко Дерия видит мерцающие лучи автомобилей, которые проезжают по главной дороге. Она хочет подбодрить себя: «Смотри, Дерия, ты уже почти добралась», однако преследователь, кажется, тоже заметил прожекторы. Он знает, что она

будет в безопасности, если сумеет добраться до улицы. А он хочет не допустить этого. Он сокращает дистанцию.

Мужчина переходит на бег в тот же самый момент, что и Дерия. И бежит он быстрее, чем она. Ветер задувает ей в пальто, гладкие подошвы обуви скользят, а дыхание обжигает легкие. Тем не менее она бежит, насколько несут ее ноги, бежит сквозь темноту. Она уже слышит позади себя тяжелое дыхание преследователя. Ограда кладбища сбоку становится все ниже, и вот она уже может различить надгробья, они как светлые тени. Они стоят там как призраки. Смотрят и ухмыляются, потому что чувствуют, что им придется освободить еще одно место между собой. Дерия видит далекий свет улицы уже сквозь слезы. Это горькие слезы страха и злости.

— У меня нет ничего! — кричит она изо всех сил. — Оставьте меня в покое! У меня нет денег!

Можно подумать, что этому грязному типу нужны ее деньги.

«У меня в кармане перечный спрей!» — хочет крикнуть она, но у нее не хватает дыхания, да и она сама не верит, что такая дешевая ложь заставит его оставить ее в покое.

И вдруг перед собой в нише каменной ограды прямо у земли она замечает какое-то движение, что-то отделяется от ограды, но, прежде чем она успевает увернуться, ее нога цепляется за что-то. Она падает, ударяется лбом об ограду, перед глазами вспыхивают звезды. Она поспешно старается выпрямиться, но все же, кажется, что-то в нее вцепилось. Что-то теплое, подвижное, оно ворочается и брыкается. Сначала в голову ей приходят руки, которые вылезли из-под земли или из ограды. Ее собственный крик звенит в ее ушах. Продолжая кричать, она все же замечает, что упала из-за того, что споткнулась о человека, сидевшего на земле на корточках. Какой-то маленький человек, может быть, ребенок? Он дико ругается и чуть отодвигается от нее, так что Дерия с трудом может встать. Она испуганно смотрит на улицу. Ее преследователь — он почти догнал ее. Он должен...

Он исчез.

На другой стороне улицы раздается треск кустов. Затем все стихает. Он действительно исчез.

— Вот дерьмо! Ты, наверное, сдурела!

То, что Дерия изначально приняла за ребенка, оказывается маленькой молодой женщиной с хриплым голосом и с таким диким и злобным взглядом, словно она собирается выцарапать Дерии глаза.

Дерии больше всего хочется обнять ее.

— Спасибо, — шепчет она.

Маленькая женщина грубо отталкивает ее, она чертовски сильна для своего роста, и Дерии с большим трудом удается удержаться на ногах.

— Пошла вон! — хрипло ругается крошка, что-то ищет вокруг себя, наверное то, что было некоторое время назад ее спальным мешком, а затем заползает ногами вперед опять в маленькую нишу в каменной стене кладбища, где и усаживается на корточки.

— Что ты уставилась на меня? За разглядывание — пять евро.

В голове Дерии все смешалось. Шок отпускает ее, и, словно в вихре, наверх выскакивают обрывки мыслей, которые на какой-то момент проясняются, прежде чем снова исчезнуть в хаосе. На нее чуть не напали. Маленькая женщина выползла из стены. У нее болит голова. Чего хотел тот мужчина? Неужели она здесь спит? Идти в больницу? Изнасилование? Помочь?

— Вы... Вы не можете просто оставаться здесь, — заплетающимся языком произносит Дерия. У нее дергается колено, которое она ушибла при падении. Не ушиблась ли эта маленькая женщина тоже?

— Чего это я не могу? — отвечает та. По ее резкому тону ясно, что она еще как может оставаться здесь. — Где я буду, тебе до лампочки.

— Но тот мужчина!

— Какой мужчина?

— Меня преследовал мужчина, вот поэтому я и бежала! Идемте со мной, давайте исчезнем отсюда! Пожалуйста!

Маленькая женщина подтягивает ноги к телу, как заградительную стену:

— Ты не слышала выстрела, леди?

— Когда он вернется...

— Тогда я передам ему привет от тебя и потребую с него кружку пива. А теперь убирайся-ка ты лучше отсюда.

Глупая маленькая женщина! Дерия искоса оглядывается назад на улицу, а потом снова смотрит на кусты напротив, где черные

Літературно-художнє видання

БЕНКАУ Дженніфер
Нехай буде воля моя
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *М. Г. Шакура*
Відповідальний за випуск *Н. О. Міщенко*
Редактор *О. Е. Лісовикова*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 25.07.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion Pro». Ум. друк. арк. 16,8. Наклад 4500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля» Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

БЕНКАУ Дженнифер
Да будет воля моя
Роман

Руководитель проекта *М. Г. Шакура*
Ответственный за выпуск *Н. А. Мищенко*
Редактор *Е. Э. Лесовикова*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 25.07.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion Pro». Усл. печ. л. 16,8. Тираж 4500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@bookclub.ua

Дерія прожила в шлюбі 14 років. Але вона не любила свого чоловіка навіть тоді, коли в церкві відповіла заповітне «так». Зараз вона — розлучена жінка з депресією і розчаруванням у житті. Всі ці роки Дерія жила спогадами про юнацький кохання. Якоб був старшим за неї, ї здається, вона ще пам'ятає їхній перший шкільний поцілунок... Одного разу минуле повертається до неї не тільки в думках: Дерія зустрічає Якоба, і зараз, після довгих років страждань, вона знову готова бути щасливою. Але щось не так... Поява Якоба змушує жінку пережити страхи: у неї виникає відчуття, що за нею стежать. Може, це колишній чоловік? Чи її ява?

Дженнифер Б.

Б46 Да будет воля моя : роман / Дженнифер Бенкау ; пер. с нем. И. Немичева. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017. — 320 с.

ISBN 978-617-12-3843-5

ISBN 978-3-431-03981-8 (нем.)

Дерія прожила в браке 14 лет. Но она не любила своего мужа даже тогда, когда в церкви ответила заветное «да». Сейчас она — разведенная женщина с депрессией и разочарованием в жизни. Все эти годы Дерія жила воспоминаниями о юношеской любви. Якоб был старше нее, и, кажется, она еще помнит их первый школьный поцелуй... Однажды прошлое возвращается к ней не только в мыслях: Дерія встречает Якоба, и сейчас, после долгих лет страданий, она снова готова быть счастливой. Но что-то не так... Появление Якоба заставляет женщину испытывать страхи: у нее возникает ощущение, что за ней следят. Может, это бывший муж? Или ее воображение?

УДК 821.112.2